

УДК 1 (430) (091)

Предпосылки обоснования понятия права в критической философии И. Канта

А.А. Туманов

Юридический факультет МГТУ, кафедра государственно-правовых дисциплин

Аннотация. В статье обсуждаются предпосылки обоснования понятия права в критической философии И. Канта, и выражение мыслителем правового порядка в обществе, как "последней цели природы". Проанализированы выводы философа о формировании права и правового порядка в их историческом развитии.

Abstract. Prerequisites for substantiation of the concept "right" in the critical philosophy of I. Kant have been discussed in the paper. The right order in the society considered by Kant as "last aim of nature" has been analyzed. The conclusions of the philosopher concerning formation of right and right order in their development have been considered.

Ключевые слова: И. Кант, критическая философия, последняя цель природы, правовая свобода
Key words: I. Kant, critical philosophy, last aim of nature, right freedom

1. Введение

Иммануил Кант серьезно занялся философией права и пришел к обоснованию права в качестве самостоятельной идеи чистого практического разума лишь на заключительном этапе своего творчества, исторически даже позже создания и завершения им своих трех "Критик", составивших в совокупности общепризнанную систему его критической философии. Мыслитель обосновывал право, исходя из принципов практического разума, и в результате подчинил право морали. Этот вывод, в общем виде, не лишен оснований, несмотря на то, что различные варианты его интерпретаций и конкретизации не в равной мере достоверны и нуждаются в дополнительной аргументации. Теоретические и практические вопросы, касающиеся обоснования права и его места в современном мире и предшествовавших исторических формациях, зачастую требуют глубокого философского обоснования. Одним из возможных путей решения проблем (разумеется, с соответствующими поправками на уровень развития современного общества) выступает обращение к классической философской мысли, в том числе в тех ее формах, которые нашли свое воплощение в творчестве, безусловно, одного из гениальнейших мыслителей, которым является И. Кант. Реконструкция и исследование предпосылок обоснования права в критической философии мыслителя является задачей данного исследования.

2. Правовой порядок как "последняя цель природы"

В первой из своих публикаций, специально посвященной проблематике философии истории ("Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане"), И. Кант так сформулировал свое понимание главной задачи и цели исторического процесса: "Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества" (Кант, 1966а). Он конкретизировал свое понимание гражданского общества как такого, в котором при наличии полного антагонизма между людьми "членам его предоставляется величайшая свобода" и гарантировано "обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других" (Кант, 1966а). Кант убежден, что "такое общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т. е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода" (Кант, 1966в). Только при реализации в истории этой "последней цели природы" могут быть достигнуты и остальные цели природы в отношении человеческого рода. Люди, утверждал И. Кант, вынуждены вступать в это состояние взаимного принуждения вследствие того, что стремление каждого человека к "полной" и "необузданной" свободе несовместимо с такой же свободой других и потому оборачивается для них бедствиями, делающими невозможной совместную общественную жизнь.

Уместно обратить внимание, что во всех этих суждениях о праве, не всегда развернутых и детализированных, мыслитель рассматривал общественный правовой порядок (гражданское правовое устройство) в его неразрывной связи со свободой – причем одновременно и как способ осуществления свободы индивидов, и как средство ее ограничения. Как правило, при этом он не уточнял, о какой

свободе идет речь (т. е. каково содержание этой свободы). Однако есть все основания полагать, что упоминавшаяся выше "полная" и "необузданная" свобода индивидов – это отнюдь не та же самая руководствующая автономно созданным ею же законом категорического императива разумная свободная воля, которую Кант обстоятельно анализировал в "Критике практического разума", ибо между субъектами моральной свободы никакие конфликты и тем более антагонизмы невозможны. Констатация И. Кантом в работах 80-х гг. XVIII в. неразрывной связи свободы и права в качестве средства ее осуществления и, в то же время, ее ограничения вовсе не означала отождествления им моральной и правовой свободы. В работах философа тех лет свобода индивидов при граждански-правовом строе предстала в качестве необходимого внешнего условия осуществления свободы людей в природе и в обществе, в том числе и их моральной свободы, но не как сама эта моральная свобода. Моральная свобода, по Канту, в отличие от способов ее осуществления – это сугубо внутреннее автономное дело субъекта, которое никак не может и не должно зависеть от каких бы то ни было внешних условий и обстоятельств. Не случайно, императив морали назван Кантом категорическим, т.е. безусловным и абсолютным.

Соображения о праве и о правовом порядке, сформулированные И. Кантом в трактатах 80-х гг. "Предполагаемое начало человеческой истории" и "Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане", непосредственно подготовили тот вариант обоснования права и характеристик способа его существования, который позже был реализован им в опубликованной в 1790 г. "Критике способности суждения". Действительно, в системе философии Канта, а в строгом "узком" смысле таковой обычно считают совокупность трех его "Критик", право в его отношении к природе и к истории было подвергнуто философскому осмыслению лишь в "Критике способности суждения" и непосредственно во второй ее части – в "Критике телеологической способности суждения". Эта концепция права и способа его существования в контексте телеологической философии истории существенно отличается, если не по содержанию, то по подходу, от возобладавшей в более поздних работах И. Канта трактовки права как идеи чистого практического разума.

Рассмотрение философии истории Канта в целом не входит в задачи данного исследования, посвященного философскому обоснованию права и правовой свободы. Поэтому ограничимся обсуждением тех главных положений, которые позволили И. Канту включить право в философию истории в качестве последней ее цели, тем более что его философия истории уже не раз становилась предметом историко-философских реконструкций, на результаты которых есть возможность опираться.

Согласно интерпретации, предложенной Ю.В. Перовым (2000), новаторство Канта в философии истории состояло отнюдь не в своеобразии присущей ей содержательной трактовки исторического прогресса как процесса развития культуры и морального совершенствования человечества – таков тогда был типичный для просветителей взгляд на историю. Важно, что И. Кант при этом по-новому решил вопросы о возможностях и статусе философии истории благодаря тому, что в противоположность большинству существовавших ранее и после него версий философии истории он признавал невозможность философии истории в форме теоретического знания, претендующего на познание внутренних закономерностей, смысла и общей направленности исторического процесса. Согласно И. Канту, философия истории возможна лишь в форме учения о целях истории в контексте телеологической способности суждения.

Согласно мнению мыслителя, историческое познание является лишь эмпирическим знанием о событиях и фактах, а потому, полагал И. Кант, в отношении истории нельзя выработать никаких философских принципов и законов. Для самого Канта обращение к необходимости и возможности философского осмысления истории было продиктовано поиском смысла и целей человеческого существования. В теоретическом познании природы и истории как объектов вопросы о смысле их существования возникать не могут, так как наука не в состоянии ставить подобные вопросы и отвечать на них. Природа и история, полагал мыслитель, обретают смысл и ценность лишь в соотношении с целью их существования, но вопросы о целях, как и вопросы, каким нечто должно быть, находится вне компетенции научного познания. Наука познает то, что есть, иными словами – сущее и бытие, но не должное. Важно еще раз напомнить, что в терминологии Канта общественная и историческая жизнь, исторические события и действия людей, существующие как явления в пространстве и во времени, также являются частью "природы". В природе же все сущее подчинено необходимым причинно-следственным связям. Это, как специально подчеркивал философ, относится и к событиям, происходящим из свободной воли людей, которые также осуществляются в мире явлений по законам природы.

Более того, И. Кант обнаружил, что история в качестве "объекта", доступного научному познанию, вообще не существует. Были и есть многообразные исторические факты, действия, события, процессы, но ни в них, ни наряду с ними невозможно обнаружить "историю" как особый объект или в качестве объединяющей и охватывающей всех их целостности. Целостность истории, присущее ей

внутреннее единство в опыте не даны, в качестве явлений они не существуют. Тем более нет оснований и искать какие-то якобы присущие самой истории смыслы, потому что в разрозненных фактах и в причинно-следственных связях между ними "смысла истории" как целостности быть не может. По убеждению мыслителя, нечто может быть понято как целое, а не просто как механический агрегат частей лишь в том случае, если в основании этого целого реально существует или хотя бы предполагается нами некая цель. Именно таким образом И. Кант разрешал это затруднение применительно возможности мыслить единство истории в статье об идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане: "Для философа здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы" (Кант, 1966а). В этих формулировках важны следующие моменты. Во-первых, историю как некое целое можно философски осмыслить, создать философию истории, только в том случае, если открыть в ней некую цель. Во-вторых, у действующих в истории людей и во всей совокупности их поступков нет внутренне присущей им разумной цели истории. В-третьих, философия должна попытаться обнаружить в истории некую "цель природы", которую люди реализуют, не зная о ее существовании и, тем более, не стремясь к ней.

В написанной И. Кантом пять лет спустя и завершившей систему его критической философии "Критике способности суждения" эти намеченные в статье об идее всеобщей истории положения, в том числе понятие "цель природы" и тезис, что история может философски осмыслиться лишь в соотношении с этой целью, обрели систематическое обоснование и конкретизацию.

И. Кант считал принципиальным различие "конечных целей" и "последних целей". Конечной он называл такую цель, которая никогда не может стать средством ни для какой иной цели, т.е. "самоцель". Но такую конечную цель можно мыслить лишь относительно мироздания в целом, а применительно к природе (внутри нее) допустимо вести речь только о "последней цели природы", являющейся условием и средством осуществления "конечной цели творения". Учение о "целях природы" названо мыслителем физикотелеологией, а о целях мироздания (как "целях свободы") – этикотелеологией. Подавляющее большинство существующих в опыте "объектов" и совершаемых людьми действий являются средствами для достижения неких пребывающих вне их целей, иными словами, цели их собственного существования и действий инструментальны, условны. То, что в одном отношении есть цель, в других отношениях оказывается "средством для" достижения иных внешних им целей. Что же касается конечной цели, то нам, полагал И. Кант, известна только одна такая "вещь", сама по себе являющаяся безусловной целью, ни в каких отношениях и ни при каких условиях не выступающая в качестве средства для достижения других целей. Такой "конечной целью", не подчиненной никаким другим, может быть только человек, но и то лишь в качестве не "природного", не телесно-чувственного, а свободного морального существа, "человека ноуменального", "вещи в себе". Человек же в его эмпирическом существовании как явление, подчиненное законам природы (человек "физический", "психологический", "исторический") не есть "конечная цель". В природе, где такой конечной цели быть не может, возможна и существует "последняя цель" природы. Она последняя в том смысле, что, существуя в природе, она не может стать средством для иной более высокой цели, находящейся внутри природы, – напротив, все остальные цели в природе ей подчинены, но за пределами природы, в отношении к моральной "конечной цели" мироздания она является средством ее достижения. Все исторические процессы, события, действия и факты существуют в пространстве и во времени, и потому существующая во времени история "по плану природы" также полностью пребывает в мире явлений и по своему способу существования принадлежит природе, является ее частью. У истории "по плану природы" нет иных ее собственных целей, кроме целей всей природы. Как история реализует последнюю цель природы, так и эта цель всей природы, в свою очередь, осуществляется только благодаря истории и внутри истории человечества.

Философ пришел к выводу, что "только культура может быть последней целью, которую мы имеем основание приписать природе в отношении человеческого рода" (Кант, 1966б). Тем самым он объявил культуру последней целью всей природы и истории (как ее части). Философия истории полностью входит в телеологию природы (в рассмотрение природы "по целям") и в форме философии культуры является её (телеологии природы) необходимым завершением. Не входя в детали этих рассуждений, как и философии культуры Канта в целом, уместно сформулировать некоторые обобщения.

Во-первых, мыслитель определил здесь культуру, хотя она и есть последняя цель природы, инструментально в качестве средства осуществления конечной цели и непосредственно – как средства для осуществления свободы. При этом – что уже указывает на некоторую связь с правом и правовой свободой – свободы разумного существа ставить любые, какие угодно, цели.

Во-вторых, то, что культура определена И. Кантом в непосредственной связи со свободой, саму ее еще не превращает в свободу. Тем не менее некоторые из комментаторов И. Канта, особенно

занимавшиеся культурологической и эстетической проблематикой, начиная с теоретиков Баденской (Фрейбургской) "школы неокантианства" В. Виндельбанда и Г. Риккерта, были склонны утверждать, будто бы он понимал культуру как "царство свободы" или, по меньшей мере, – как осуществление свободы в явлениях. Эта тенденция нашла проявление и у части наших отечественных исследователей. Данную позицию наиболее последовательно отстаивал *А.В. Гулыга* (1992), на его авторитет ссылаются многие и поныне. Думается все же, что культура, понятая как последняя цель природы, подобно всем "целям природы", по способу своего бытия принадлежит природе (как "объекту"), существует внутри природы (в истории общества) в пространстве и во времени и осуществляется полностью также внутри природы. Средства, используемые для осуществления свободы, сами еще не есть свобода.

В-третьих, нетрудно понять, какое отношение имеют к свободе "культура умений" и "культура воспитания" (или дисциплины). Умения, основанные на познании природы, являются необходимыми средствами для того, чтобы поставленные цели не оставались только в мыслях субъекта, а могли реально осуществляться им в мире явлений в соответствии с законами природы. Воспитание же призвано свести к минимуму влияние телесно-чувственных влечений и партикулярных интересов на выработку людьми своих целей. В этом смысле, как освобождения от господства чувственности и всего партикулярного, И. Кант называл культуру воспитания "негативным условием" свободы.

Наконец, важно, что именно в этом контексте рассмотрения культуры как последней цели природы Кант в "Критике способности суждения" обратился к праву. Он пришел к выводу, что успехов "культуры умений" и "культуры воспитания" в совокупности еще недостаточно для того, чтобы создать все условия для осуществления свободы, что и составляет последнюю цель природы в целом. В результате, аналогично тому, как это уже было сформулировано им и в статье об идее всеобщей истории, он включил правовое гражданское состояние во всемирном масштабе в последнюю цель природы и истории.

"Критика способности суждения" стала завершением критической философии И. Канта в ее систематической "ортодоксальной" форме – в составе "трех Критик". Она завершила также и целый этап философского осмысления И. Кантом проблематики права. В ней обрели общеправовое обоснование соображения о праве, сформулировавшиеся И. Кантом ранее в работах 80-х гг. XVIII в. Центральным среди них было понимание права в качестве способа преодоления природных и общественных антагонизмов между людьми и средства для осуществления ими своей свободы. Как уже не раз отмечалось, главным и итоговым для всей философии права И. Канта стало понимание права как понятия чистого практического разума. Удивительно то, что многие из исследователей и комментаторов кантовской философии, потратившие столь большие усилия, и часто не без успехов, на дискуссии о том, каким образом Кант понимал соотношение и взаимодействие права и морали в контексте практического разума, понятого как их общее основание, как правило, не уделяли должного внимания тому, что рассмотрение философом права в качестве цели истории и всей природы, – это в ряде отношений отнюдь не то же самое, что осуществленный им же анализ права как чистого понятия практического разума. Это выглядит тем более странно, что, по всеобщему признанию (о чем упоминалось в начале данного параграфа), в публикациях мыслителя 80-х гг., в которых обсуждалась проблематика практического разума или практического применения разума, им еще не было сформулировано предпосылок и оснований для постижения права как идеи практического разума. В такой исследовательской ситуации важно со всей определенностью констатировать, что философское обоснование правопорядка в контексте способности суждения и права в качестве понятия чистого практического разума – это два различных способа философского обоснования права, выработанных И. Кантом.

Можно, однако, полагать, что эти разные ракурсы философского рассмотрения и обоснования права у мыслителя, хотя и представляют право в разных теоретических проекциях или перспективах, не являются взаимоисключающими. Они образуют содержательное единство благодаря общему для них понятию цели и права в качестве цели. Дело в том, что, как многократно подчеркивал И. Кант, понятие цели, которым пользуется телеологическая способность суждения, не является ее собственным понятием, самостоятельно выработанным ею самой, а заимствуется ей у практического разума. Цель является у Канта центральным понятием, определяющим своеобразие практического отношения и практического разума.

3. Заключение

Завершая данное исследование, в очередной раз представляется необходимым обратиться к творчеству профессора Ю.В. Перова, который писал: "...Цели и смыслы не принадлежат самому историческому процессу и потому не могут быть познаны научно теоретически или постигнуты спекулятивным разумом. Они могут быть лишь «примыслены» к истории нами, когда мы помещаем исторические события и действия в перспективу телеологического рассмотрения, таким образом, как если бы цели у истории были, хотя при этом знаем, что на самом деле их у нее (внутри нее) нет и быть не

может. Смыслы истории не содержатся в фактах и вещах, это и не «смыслы», присутствующие в сознании людей, участников истории (хотя и могут стать ими), они есть принадлежность философской мысли об истории. Установить смысл всей истории и всего внутри нее можно в результате соотнесения фактически-событийного исторического ряда (каким он познан описательной наукой истории) с историческим идеалом в форме примысленной нами к истории цели, и осуществляется это соотнесение телеологической способностью суждения" (Перов, 2000).

В той мере, в какой "цели природы" воплощены в форме идеала, они в этом качестве целей пребывают вне истории и существуют в форме мыслимых понятий в нашей способности суждения. Другого – не идеального, т. е. не в форме представлений сознания субъекта, способа существования целей И. Кант не предполагал. Словосочетание же "цели природы" не должно смущать: это, повторим, цели, которые приписывает природе субъект, рассматривающий историю телеологически. Такова же ситуация и с правом. Пока право и правопорядок примысливаются нами к истории в качестве "целей природы", они остаются понятием и идеалом.

Эти последние соображения могут, правда, вызвать возражения и, притом, на первый взгляд, веские. Во-первых, могут попытаться усмотреть противоречие в сформулированных выше абзацах. С одной стороны, утверждается, что "последняя цель природы" (культура в целом и право) существует как явление внутри природы (в обществе) и реализуется самой природой, ее собственными механизмами. С другой (вопреки этому) – будто в качестве цели и идеала она есть мысленное понятие. Это противоречие кажущееся. Предполагаемая цель истории остается идеальной, но в своем содержании она уже мыслится как осуществленная (осуществляемая) природой и внутри природы, как ее (природы) цель. Уместно повторить еще раз. Правовой порядок в мировом масштабе как осуществление идеи права в общественной жизни (насколько и как это эмпирически возможно, вопрос особый) – это последняя цель природы, реализуемая природой в пространстве и во времени посредством ее собственных механизмов. Но сама цель не принадлежит природе, не содержится в ней как "объекте", – понятие цели вместе с ее содержанием есть понятие разума.

Во-вторых, как полагал И. Кант – человечество действительно исторически движется в направлении совершенствования культуры и правопорядка, чему немало фактических подтверждений. Правопорядок существует в мире явлений, в "природе" (в обществе) также и реально, а не только в форме идеально мыслимой ее последней цели.

В связи с констатацией этих фактов обнаруживается комплекс вопросов, составляющих проблематику практического осуществления чистого понятия права в общественной жизни, в мире явлений, в форме общественного правопорядка. Важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Необходимо отличать практическое осуществление права в тех формах, которые предполагаются трактовкой правопорядка как цели истории или в качестве требования практического разума и тем самым входят в содержание этих целей и требований, это составляет предмет философии права, от систем права и публичного законодательства, эмпирически функционирующих в тех или иных конкретных обществах. Последние не являются предметом философского познания, но в контексте учения о праве могут и должны сопоставляться с априорными принципами права на предмет их соответствия этим принципам.

Литература

- Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., Айрис-Пресс, 413 с., 1992.
Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Соч. в 6 т. М., Мысль, т.6, 568 с., 1966а.
Кант И. Критика способности суждения. Соч. в 6 т. М., Мысль, т.5, 464 с., 1966б.
Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6 т. М., Мысль, т.3, 545 с., 1966в.
Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. СПб., Наука, 340 с., 2000.